

И.В. Решетарова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 821.161.1

«ЛИСТВЕНЬ ОСТАЛСЯ НЕ СЛОМЛЕН»

Проза Валентина Распутина, виртуозного мастера современной русской литературы, по достоинству оценена читателем. Повести и рассказы В.Г. Распутина, популярные не только в России, но и за рубежом, пронизаны любовью к родной земле, малой Родине, без которой не может быть настоящего человека. Произведения писателя затрагивают вечные вопросы добра и зла, совести, справедливости и долга, взаимоотношений поколений и взаимоотношений человека и природы. Они пропитаны такими категориями национального сознания, как русскость, русская идея и русская душа.

Творчество В.Г. Распутина относится к яркому литературно-философскому направлению 1960-80-х гг. второй половины XX века (наряду с произведениями Ф.А. Абрамова, В.П. Астафьева, В.М. Шукшина, В.И. Белова и др.), получившему название «деревенская проза». Произведениям В.Г. Распутина свойственно выражение активной жизненной и общественной позиции автора. По мнению Л.А. Колобаевой [1], его творческий метод обладает своеобразием и самобытностью. Исследователь полагает, что в распутинском философски-аналитическом реализме проявляются тенденции к синтезирующим, символическим способам художественного обобщения.

«Прощание с Матёрой» (1976) по праву отнесено к лучшим произведениям В.Г. Распутина. В этой повести писатель использует необычные элементы и образы, расширяющие и дополняющие смысл произведения, придающие обычным вещам глубину символа. Но эти элементы необычайно органично вписываются в ее реализм. Распутин умеет тонко подвести читателя к пониманию своего видения тех или иных проблем путем вкладывания этого самого видения в речь самих героев, формируя, таким образом, свой характерный, распутинский, тип повествования с его особенной близостью к герою.

«Прощание с Матёрой» – это тяжелая история о затоплении острова и одноименной деревни и о людях, насильно переселяемых из родных мест, ради грандиозной стройки – возведения Братской ГЭС, когда был покорен «Ангара» – свойственный поток» и создано искусственное море. На дно этого моря в числе прочих должна была уйти и Матёра – вместе с *лиственем*, березками и соснами, «*болотцем с лягушкой*» и даже кладбищем.

Традиционно в литературоведческой практике проза В.Г. Распутина анализируется с позиций авторского стиля и образа автора (работы С.Г. Семеновской, И.А. Панкеева, Н.В. Баландиной, В.В. Одинцова, С.В. Переваловой); анализируются проблемы русского национального характера (Г. Гачев, В. Маркович, Л. Пумпянский); дискуссий о совместимости понятий нравственности и современности, постепенном разрушении нравственного и духовного уклада жизни (Е.В. Соловьева, Л.В. Соколова, И.В. Ходченкова).

Оставив в стороне урбанистическое наступление технического прогресса на «неперспективную деревню» и тревогу за национальный уклад деревенской жизни, готовый вот-вот исчезнуть под влиянием города, нами была предпринята попытка прочесть «Прощание с Матёрой» по-своему, увидеть другими глазами описание судеб, мыслей и чувств вынужденных переселенцев через прослеживание некоторых параллелей с сегодняшней социально-политической ситуацией в Донбассе. Так, цель данной статьи – рассмотреть символику и специфические черты повести В. Распутина «Прощание с Матёрой» и провести аналогии с социально-политической реальностью Донбасса 2014-2017 гг.

Автор «Прощания с Матёрой» внушает читателю идею, искусно вплетая её в повествование, о взаимной связи и зависимости народа от его прошлого, от памяти, от природы и от малой Родины. Для Распутина утрата человеком малой Родины равносильна утрате совести. Не может человек, оставшийся без корней и традиций, жить по-настоящему, ведь родная земля дает ему гораздо больше, чем он в состоянии осознать. Это понимают пожилые герои повести, это понимает старшее поколение наших соотечественников.

В произведении автор показывает читателю три поколения одной семьи: Дарью Васильевну, её сына и её внука. Дарья и другие «старинные старухи», героини повести, которым трудно смириться с уничтожением родных мест (изб, в которых они родились, родительских могил), всего привычного и простого уклада жизни, не мыслят своего существования без обжитого веками острова, даже под угрозой быть затопленными. Так же и донецкие старики, через полвека с лишним после описанных в повести событий, отрицательно качали головами в ответ на призывы покинуть зону начавшихся в 2014 году боевых действий. Ведь они прожили здесь всю свою жизнь, здесь жили их родители и деды, здесь теперь родительские могилы. На их памяти расстраивались эти улицы и возводились «хрущёвки» на месте осушаемых болот, здесь прошла их юность, здесь они

увидели первые шаги своих детей, а позже и внуков, здесь они и остались переживать тяжелое время войны.

В. Распутин в повести приводит яркое сравнение своих героев со старыми деревьями, которые пытаются пересадить. Не приживутся они на новом месте. В пример тому весьма символично описана смерть деда Егора, одного из героев, покинувших родные места, умершего вскоре после переезда из Матёры. Егор «... без улишиного воздуха извесь уж прозрачный сделался, белый, весь потоньчел. И дале боле, дале боле. На глазах погасал» [3]. Деревенский житель не приспособлен к ленивой городской жизни, где и вода, и свет, и газ – всё прямо в доме, и не нужно никуда выходить. Человек ощущает себя бесполезным. Так и извела деда Егора тоска по дому, по любимому острову, по труду.

О разнице в укладе жизни говорит и хлёткое описание Сони, приехавшей на уборку урожая картошки: «Там, в новом поселке, она так за лето изменилась, что Дарья порой смотрела на нее как на незнакомую: потолстела, одрябла, остригла на городской манер и закручивала в колечки волосы, отчего лицо сделалось больше и круглей; глаза заплыли и казались прищуренными и маленькими» [3].

Символичен также эпизод с разорением кладбища. Осквернение родовых могил «официальными лицами» из санитарной бригады становится для героев повести душевной трагедией. С нами случилось что-то страшное, будто бы пытается достучаться до читателя Распутин. И это не вопиющая случайность, это не просто история одной деревеньки, происходит расчеловечивание, разрушение чего-то очень важного в человеке. Дарья, да и остальные, видят в этом знак полного одичания человека. Вот картина, представшая глазам Дарьи: «Воротца на кладбище были распахнуты, а сразу за воротцами, на первой же полянке, чернела большим пятном выжженная земля. Дарья вскинула голову и не увидела на могилках ни крестов, ни тумбочек, ни оградок – то, чему помешали старухи в начале лета, выступив войной против незнакомых мужиков, потихоньку под один огонь и дым сделано было теперь. Но теперь Дарья не почувствовала ни возмущения, ни обиды – один конец. Много чего было видано и вынесено с той поры – сердце закаменело» [3]. Как мы относимся к предкам, так и к нам будут относиться потомки. Читая эти главы, становится совершенно очевидно, что если однажды можно оправдать удар топором по кресту на кладбище, найдутся те, кто сможет оправдать расстрелы из тяжелого вооружения мирных городов.

Одному Богу известно, какие мысли роились в головах и какие муки терзали сердца и души наших стариков, когда под обстрел

попадали донецкие, горловские или дебальцевские кладбища. Возможно, боль, застывшую немым укором в потускневших глазах наших стариков, хотя бы отчасти, объясняют слова Дарьи, обращенные к родительским могилам: «Не сердитесь на меня, я не виноватая. Я-то виноватая, виноватая, я уж потому виноватая, что это я, на меня пало. А я бестолковая, не знала, че делать. Ты мне, тятка, говорил, чтоб я долго жила... я послушалась, жила. А нашто было столь жить, надо бы к вам, мы бы вместе и были. А теперь че?» [3].

Почти безжизненные глаза женщин, двигавшиеся желваки и сжимавшиеся до побелевших костяшек кулаки седовласых мужчин, осознававших свое бессилие, мужчин, еще совсем недавно сильных и поднимавших не только своих детей, но и вдыхавших жизнь в промышленные гиганты Донбасса, свидетельствовали о том, что они, как и распутинская Дарья, винили во всем происходящем себя. Винили себя в том, что не научили детей чему-то важному, чему-то, что помешало бы случиться беде. И, возможно, тоже вопрошали «нашто было столь жить», раз довелось увидеть и пережить такое.

Дарья прожила долгую жизнь, многое поняла. Она пытается научить своей правде и сына с внуком: «Я мало видела, да много жила. На че мне довелось смотреть, я до-олго на его смотрела» [3], но она видит, что они уже другие, не такие, как она. Они не так любят свой дом, свой остров, не так заботятся о традициях, данных им предками. Ведь Павел, сын Дарьи, как будто уже и не уверен, что старики правильно поступают, защищая остров. Хотя, на самом деле, у него на душе не спокойно. Выросший на земле, Павел понимает, что новый посёлок не идеален – от воды пять километров, земля по сравнению с дедовской островной плохая. Он видит и знает, что мать не выживет без Матёры. Да и сам он никогда не сможет забыть место своего рождения и привыкнуть к новому.

Терзания сына Дарьи, продолжая параллели с сегодняшним Донбассом, отражают переживания поколения донбасских «Павлов». С одной стороны, вроде бы появилась возможность начать жизнь заново, на новом месте, пусть и довелось выехать не по доброй воле. Старший, необъятный и добрый друг Россия принимала многих. Но отправляла в глубинку – за тысячи километров от границы, то есть нужно было поделить жизнь на «до» и «после». С другой стороны – нельзя, не по-человечески и не по-христиански оставлять так далеко родителей, понимая, что возможности увидеться может уже и не представиться. Некоторых манила привычным довоенным укладом Украина, обещая беречь и чтить традиции, впрочем, тут же обманув,

унизив и обезправив. И метались тысячи людей через линии разграничения и границы.

Многие уехавшие возвратились, не сумев прижиться, а многие – потому, что здесь Родина. С Украины – ещё и потому, что опомнились и устыдились своего бегства, из России – потому, что захотели возродить свою малую Родину, поднять её из руин. Стоит оговориться, что здесь параллель с Матёрой нарушается – покидавшие остров всё-таки уезжали в будущее. Гибель деревни, какой бы жуткой она ни была, давала новую жизнь, из её смерти рождался город. Бежавшие же на Украину бежали в прошлое – липкое и зловонное, надеясь, что запах выветрится, а липкость отмоется.

Есть и те, кто не вернулся и не вернется – такие люди есть и у Распутина. Хранителям семейных и родовых ценностей писатель противопоставляет современных «обсевков», которых он рисует в крайне жесткой манере и наделяет уничижительными именами и фамилиями. Например, *Клавка Стригунова*, радующаяся исчезновению родной Матёры.

Иронично и колко выписан образ болтуна и пьяницы Никиты Зотова, потерявшего стыд и совесть настолько, что лишился даже своего имени и откликался на *Петруху*. Для поддержания презрительного отношения к нему, автор даже вводит в текст глагол *петрухать*.

Порубщиков и *пожогщиков* Распутин наделяет не только «говорящими» именами, но и не менее «говорящими» характеристиками: *Воронцов – турист* (без какой-либо заботы шагающий по земле), а *Жук – цыган* (безродный человек, лишенный корней, перекати-поле).

Лишь внука Дарьи Распутин наделил более или менее сложным характером. Андрей – это уже совсем новое поколение, которому хочется чего-то нового, другого, отличного от привычной жизни на острове. Ему будто и не жаль совсем своей малой Родины. Он уже не чувствует себя ответственным за род, за землю предков. Андрея привлекает праздник грандиозной стройки. Он неистово спорит с отцом и бабушкой, отмечая то, что для них обладает исконной и очевидной ценностью. Павел жалеет мать, понимает её горе, но не имеет ни времени, ни сил выполнить её просьбу – перенести в новый посёлок могилы дедов. А Андрей, её внук, уже и понять не может переживаний своей бабушки. Несмотря на свое несогласие с нею, его, тем не менее, интересует мнение Дарьи, «*ему для чего-то был её ответ*» о сущности и предназначении человека.

Распутину совершенно понятно, что разрушение страны, разложение нации, народа начинается с распада семьи. Исключительно зловеще, что и *порубишки*, и *пожогцики*

родились на Матёре, в деревне, как, например, Андрей, уезжающий строить ту самую плотину, которая и погубит Матёру и дом, где он родился.

Не всё хорошее утрачено Андреем, не полностью он растерял умение любить природу – «*минутное пустое глядение на дождь сумело снова сблизить*» Андрея, Павла и Дарью. Дарья тоже старается приучить себя к мысли о новом будущем, смириться с переездом. Дарья сердится, брюзжит, но пытается приспособиться к новому поколению и новой жизни: «*Мила закатилась и, покуда Соня провожала ее на берег, покуда слышно было, смеялась не переставая, будто кто-то неумный дергал за веревочку – и звенькал, заходясь, колокольчик. А Дарья думала: может, это и хорошо, может, так и надо, чтоб не знать ни тревог, ни печалей. Есть они – ха-ха, и нет – ха-ха! К таким и горе придет – не поймут, что горе, отсмеются от него, как от непоглянувшегося ухажера; никакая напасть не пристанет близко к сердцу, все в леготочку, все жизнь – потеха, И верно – чем плохо? Где бы такому научиться?*» [3].

В разнонаправленности характера Андрея прослеживается сложность человеческой природы. С одной стороны, стремящейся к познанию нового, а с другой – желающей сохранить свои корни. Нас, в свою очередь, его характер наталкивает на разведение типажей молодых людей в современных донецких реалиях. На тех, кто уехал в поисках «европейского чуда», и тех, кто остался принести обновление туда, где родились, доказать предкам, что достойны оставленного им наследия. Такое разведение не означает, что всех выехавших стоит рассматривать в упрощенном разрезе «хороший-плохой», ведь у каждого человека были свои причины, чтобы принять такое решение, как не стоит и идеализировать всех оставшихся. Однако, благодаря вот этим оставшимся и оставшимся Донбасс, как птица Феникс, поднимается из пепла.

В «Прощании с Матёрой» Распутин ужасается дикости, творящейся под лозунгами рациональности и законности. События, произошедшие здесь, на Донбассе, возвели дикость и зло в абсолют. Но земля донецкая не так беззащитна, как могла показаться на первый взгляд. Как в повести, гордо и величаво стоит *листвень*, еще один символ величественной российской природы, не поддавшийся ни топору, ни огню, ни пиле, так и Донбасс противостоит людям, пытающимся его уничтожить. Листвень был готов уйти только вместе с землей, породившей его таким могучим и красивым. А Донбасс выстоит и останется не сломленным. Молодое поколение позаботится, ведь за ним – родная земля, сила предков и правда.

«Прощание с Матёрой» требует от читателя внимания и довольно глубокого анализа подтекста, который играет особую роль в отражении авторских замыслов, нацеленных на философское понимание реальности и человеческих взаимоотношений. В заключение хотелось бы привести незамысловатые строки Николая Курилова (перевод М. Яснова), юкагирского писателя, земляка Валентина Распутина, простота которых, тем не менее, отражает всю палитру чувств русской души, любящей родную землю [2]:

Я узнал, что у меня
Есть огромная родня:
И тропинка, и лесок,
В поле – каждый колосок,
Звери, птицы и жуки,
Муравьи и мотыльки...
Все, что рядышком со мною, –
Это все мое родное!
Как же мне в краю родном
Не заботиться о нём!

ЛИТЕРАТУРА

1. Колобаева Л. А. Художественный мир В. Распутина / Л. А. Колобаева // Очерки истории русской литературы XX века. – Вып. 1. – М., 1995. – С. 134-151.
2. Колобок. Ежемесячное детское приложение к журналу «Кругозор». – № 10 (188). – М., 1987. – С. 10.
3. Распутин В. Г. Прощание с Матёрой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.e-reading.club/bookreader.php/47686/Rasputin_-_Proshchanie_s_Materoi.html

АННОТАЦИЯ

Решетарова И. В. «Листвень остался не сломлен»

В статье рассматривается возможность нового прочтения символики и специфических черт повести В. Распутина «Прощание с Матёрой», описываются символы и главные герои повести и проводятся аналогии с социально-политической реальностью Донбасса.

Ключевые слова: символизм, повесть, аналогия, символ.

SUMMARY

Reshetarova I. V. The tsar larch remained undaunted

The article speculates on the new perusal of the symbolic meaning and specific features of the prose piece «Farewell to Matyora» by V. Rasputin. It also describes symbols and main characters of the prose

piece under analysis and draws an analogy with the modern Donbass socio-political situation.

Key words: symbolism, prose piece, parallel, symbol.

Э.В. Федяй
(г. Горловка, ДНР)

УДК 821.161.1

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.Г. РАСПУТИНА

Валентин Григорьевич Распутин – одна из центральных фигур литературного процесса второй половины XX в. Как писал С.П. Залыгин, «Валентин Распутин вошел в нашу литературу сразу же, почти без разбега и как истинный мастер художественного слова, а повторять, что произведения его значительны, что, минуя их, сегодня уже нельзя серьезно рассуждать о русской и всей советской прозе, нет, очевидно, никакой необходимости» [4, с. 98].

Стремительно войдя в русскую литературу, В.Г. Распутин также стремительно обрел и мировую известность. Его знаменитые повести «Живи и помни», «Деньги для Марии», «Прощание с Матерой», «Последний срок» переведены на многие языки народов бывшего СССР, а также на английский, финский, болгарский, чешский, испанский, норвежский, немецкий, венгерский, польский, французский языки [1, с. 45].

Творчество Валентина Григорьевича многогранно, богато живым разнообразием характеров героев, оно отражает современную картину мира, дает понять специфику деревенской жизни. В своих ранних рассказах, по словам Семеновой, Распутин как будто испытывает диапазон своих творческих возможностей, дает эскизные наброски потенциальных линий своего литературного развития. В более поздних рассказах, – отмечает исследовательница, Распутин достигает поистине замечательного, в некоторых отношениях нового для себя уровня «мастерства». Тончайший душевный анализ, донесенный до читателя изощренным в своей точности словом, глубокая философичность, начисто лишенная всякой риторичности, но утопленная в изобразительной, психологической ткани повествования, всегда свойственные таланту Распутина, здесь соединились с проникновенной личной интонацией и породили новое художественное качество, которое особенно волнует и убеждает [4, с. 34, 149].